

С.М. Хенкин

Каталонский конфликт вчера и сегодня

***Аннотация.** В статье воссоздана ретроспектива взаимоотношений каталонских националистов и сепаратистов с испанским государством. Особое внимание уделяется анализу движущих сил и ресурсов современного сепаратизма, политической борьбе вокруг запланированного референдума по вопросу о предоставлении Каталонии независимости.*

***Abstract.** The article recreates relations between nationalists and separatists and the Spanish state in retrospect. Special attention is given to the analysis of driving forces and resources of modern separatism, the political struggle around the planned referendum on Catalan independence.*

***Ключевые слова:** Каталония, Испания, Государство автономий, сепаратизм, Конституция, федерация, референдум.*

***Keywords:** Catalonia, Spain, State of autonomies, separatism, Constitution, federation, referendum.*

В современной Каталонии главенствуют партии, выступающие за ее отделение от Испании. Каталонский сепаратизм имеет глубокие корни. Однако националистическое движение обычно ограничивалось требованиями расширения прав региона в составе Испании. Никогда за последние три с половиной века вопрос о независимости Каталонии не стоял так остро, как сейчас. Эта одна из самых развитых и богатых автономных областей Испании оказалась в одном ряду с Квебеком,

Шотландией, Фландрией и многими другими регионами на разных континентах, где с разной степенью интенсивности развиваются сходные процессы.

В Каталонии проживают 7,5 млн человек, что составляет примерно 16% населения Испании. Но каталаноязычный ареал значительно шире. На каталанском языке говорят около 11 млн человек в так называемых каталонских землях на территории Испании (автономные сообщества Валенсия, Балеарские Острова), Франции (департамент Восточные Пиренеи), Андорры и Италии (г. Альгеро на острове Сардиния). Мнения большинства исследователей совпадают в том, что в каталаноязычном ареале нет коллективного национального самосознания. Следует также иметь в виду, что, согласно испанской традиции, «национальность» («нация», «этнос») определяется не в этнокультурных терминах, не «по крови», а отождествляется с регионом, территорией проживания. Поэтому каталонцы для большинства испанцев – это те, кто проживает и работает в автономном сообществе Каталония.

Корни современного сепаратизма

Каталонский национализм и сепаратизм имеют глубокие корни. В рамках испанской монархии отношения между Мадридом и Барселоной складывались весьма непросто. До объединения большинства земель Пиренейского полуострова в 1479 г. под властью католических королей Фердинанда и Изабеллы каталонские земли обладали рядом привилегий. Так, находясь с 1137 г. в альянсе с королевством Арагон, Каталония имела свои органы власти, суд, право распоряжаться финансами, устанавливать налоги и т.д. Политическое устройство Каталонии было передовым для своего времени. Как противовес королевской власти в каталонских землях с XIII в. начал регулярно собираться сословно-представительный орган дворянства, духовенства и горожан – «Кортс каталанас», который многие исследователи рассматривают как один из первых европейских парламентов. «Кортс» стал противовесом королевской власти: королевские указы, прежде чем вступить в силу, должны были получить его одобрение. В XIV в. из членов «Кортс», собиравшихся как минимум раз в год, стал формироваться постоянный

орган – Generalitat (Женералитат), который действовал в период между заседаниями (4, с. 19).

В отношениях между королем и парламентом проявилась важная особенность каталонской политической жизни: стремление найти компромисс, взаимоприемлемое решение политических и социальных вопросов («*practismo político*»). Эта особенность, равно как и понятие «*seny*» (здравый смысл, уравновешенность), вошли в число важнейших слагаемых каталонской политической культуры. В Средние века формируется национальное самосознание, идентичность каталонцев.

Арагонское королевство вело экспансионистскую политику, присоединив Балеарские Острова, Валенсию, Сицилию, Сардинию, Корсику и превратившись в одну из самых мощных держав Средиземноморья. Пользуясь выгодами своего географического положения, Каталония вела оживленную морскую торговлю со многими европейскими и мусульманскими городами. Быстро развивалась ее экономика, имел место расцвет науки и культуры.

Таким образом, в состав Испании вошло общество с развитым осознанием своей «особости», уже давно привыкшее пользоваться широкой автономией и гражданскими правами и ожидавшее, что такое положение сохранится. Многие каталонцы всегда требовали признания своего отличия от остальной Испании. «Мы – другие», «Каталония – не Испания, а Испания – не Каталония» – таким было и остается мироощущение значительной части жителей региона. Эти настроения усиливала недалёковидная репрессивная политика Мадрида, связанная с насаждением кастильских законов и обычаев. В Каталонии были упразднены местные органы власти, отменены традиционные привилегии. Каталонский язык начал вытесняться из разных сфер общественной жизни и заменяться испанским (кастильским). По словам испанского автора А. Бальсельса, многие сочинения, написанные в XVII в., выявляют существование в Каталонии «оборонительного патриотизма, противостоявшего агрессивному и доминировавшему империализму испанской короны» (4, с. 24).

Еще в середине XVII в. недовольство политикой Мадрида переросло в открытое проявление сепаратизма. Каталонию охватило восстание (так называемая «война жнецов»), целью которого было ее отделение от Испании. Восстание было подавлено в 1652 г. В эти

годы появилась народная песня («Песня жнецов»), ставшая символом каталонского сопротивления и являющаяся в наши дни гимном Каталонии (4, с. 25).

В войне за испанское наследство (1701–1714) Каталония подержала эрцгерцога Карла, потерпевшего поражение. 11 сентября 1714 г. Барселона капитулировала перед армией Бурбонов. В XX в. эту дату стали отмечать как Национальный день Каталонии. После победы Бурбонов Каталония лишилась своей автономии. Были упразднены местные органы власти, отменены традиционные привилегии. Каталонский язык начал вытесняться из разных сфер общественной жизни и заменяться испанским (кастильским).

Политика централизации страны, начатая испанскими королями и сопровождавшаяся отменой внутрорегиональных таможен, развитием промышленности, строительством каналов, созданием музеев, библиотек, не обошла стороной и Каталонию. «XVIII в. стал веком прогрессирующей интеграции Каталонии в политическую и экономическую жизнь Испании», – отмечает известный испанский политолог Ж. Соле-Тура (17, с. 23). Однако кастильское государство с его громоздким бюрократическим аппаратом управления было неспособно осуществить эффективную политику ассимиляции каталонцев.

Кризис феодализма, развитие капиталистических отношений стимулировали возникновение движения каталонского возрождения Ренашенса (Renaixença). В ходе него начали восстанавливаться каталонский язык, литература, театр, музыкальное творчество, архитектура. Зарождается так называемый каталонизм, направленный на утверждение каталонской самобытности. Каталонизм завоевывает позиции первоначально в культурной, а затем и в политической сфере – появляется целый ряд работ, доказывающих существование каталонской «уникальности», особого каталонского «национального духа». По словам испанского автора Х.Х. Лопеса Бурниоля, «структура нашей духовной жизни стала полицентричной: Мадрид и Барселона превратились в автономные культурные центры» (11, с. 76). Идеологи каталонизма критиковали центр за неэффективную управленческую политику, пренебрежение к нуждам периферии, «о которой вспоминают, лишь требуя налоги и прося солдат». Централизму и единообразию, насаждавшимся сверху, они противопоставляли испанское государство, построен-

ное на принципах федерализма, в котором уважалось бы своеобразие Каталонии, уходящее корнями в эпоху Средневековья (17, с. 163).

Усилению влияния каталонизма способствовали быстрая индустриализация и модернизация каталонского общества во второй половине XIX в. Бурные социально-экономические сдвиги углубляли разрыв между Каталонией и большинством более отсталых регионов Испании, равно как и диспропорцию между ее экономической мощью и «нулевым политическим влиянием», непредставленностью в мадридских коридорах власти. Происходившие изменения вызывали у каталонцев смешанную реакцию, в которой гордость за свой край переплеталась со стремлением перестроить Испанию на каталонский манер («каталонизировать»), обрести большую самостоятельность, а то и вообще отгородиться от «испанской отсталости».

Каталонизм стал фундаментом для формирования каталонского национализма, зарождение которого совпало по времени с резким ослаблением испанской колониальной империи и государственности в целом. Каталонский национализм во многом возник как поиск альтернативы кризису испанского государства. Катализатором его развития стала национальная катастрофа 1898 г. – тяжелое поражение Испании в войне с США, приведшее к потере последних заморских колоний. «Испанисты» расценили его как сигнал к поиску общенациональной идеи, а «регионалы» – как свидетельство слабости государства, которое необходимо модернизировать, превратив Испанию из олигархической и полуфеодальной в индустриальную, европейскую и капиталистическую (11, с. 80).

В 1901 г. каталонские националисты создали свою партию – Регионалистскую лигу, в том же году вошедшую в испанский парламент. Образованная представителями буржуазии, лига превратилась во влиятельную политическую силу, пользовавшуюся широкой народной поддержкой. Вокруг нее группировались языковые общества, школы, курсы, танцевальные ансамбли, туристические клубы и другие общественные организации, стремившиеся развивать каталонский язык, культуру и традиции и утвердить, таким образом, региональную идентичность, отличную от кастильской.

Националисты считали Каталонию нацией со своей историей, языком, литературой, искусством, национальным характером. Для них «единственной родиной была Каталония, а Испания... – всего лишь государством, состоящим из разных образований» (17, с. 166). При этом к «отделению от Испании» они, как правило, не призывали. Хотя каталонский национализм был неоднородным течением и его приверженцы разделяли разные взгляды – от автономии в составе Испании до независимости, – первые преобладали. В лексиконе лидеров националистического движения превалировали понятия «регионализм», «автономия», «федерация».

Один из идеологов каталонского национализма Э. Прат де ла Рибя писал: «Поскольку Каталония находится в географическом районе, известном как Испания, мы являемся испанцами, впрочем, так же как и европейцами, поскольку Испания находится в Европе... Мы не боремся с испанским государством, мы хотим другого: перестроить его на принципах равенства и справедливости, создав более адекватную и совершенную организацию, в которой Каталония сможет идти по пути свободы и прогресса» (17, с. 47–48). Костяк националистического движения в Каталонии составляла местная буржуазия, «считавшая себя испанской буржуазией, задача которой состоит в том, чтобы развивать и защищать от натиска извне внутренний рынок Испании» (17, с. 179).

Сказанное позволяет сделать принципиально важный вывод: представление националистов о Каталонии как о нации длительное время не угрожало целостности испанского государства. Э. Прат де ла Рибя ратовал за создание «составных государств», иными словами, федераций. Разведение понятий «нация» и «государство» стало с тех пор важной особенностью каталонского национализма.

В 1914 г. Мадрид сделал важную уступку каталонским регионалистам, разрешив создать автономный административный орган – так называемый «Манкомунитат», впервые объединивший четыре каталонские провинции (Барселона, Таррагона, Лерида, Жерона) в единую административную единицу (был упразднен в 1925 г. диктатором М. Примо де Риверой). Манкомунитат занимался вопросами образования и культуры, оказанием социальных услуг, организацией общественных работ. По существу, создание Манкомунитата было признанием каталонской специфики. Националисты пыта-

лись придать ему облик предавтономии (4, с. 105). Хотя каталонский язык не был официально признан как второй наравне с кастильским, именно он стал главным языком, на котором осуществлялось делопроизводство и шло повседневное общение. Несмотря на ограниченность полномочий и финансовых возможностей, деятельность Манкомунитата внесла существенный вклад в формирование каталонской идентичности.

В период II Республики (1931–1939), ставший временем глубоких и стремительных перемен, каталонские националисты попытались создать собственное государство – Каталонскую республику. Власти, однако, пресекли сепаратистские поползновения местной элиты, вместе с тем предоставив региону автономию. В сентябре 1932 г. испанские Учредительные кортесы приняли закон об автономном статуте Каталонии, в соответствии с которым в ноябре был избран каталонский парламент и сформировано местное правительство. «Каталонский язык, как и кастильский, является в Каталонии официальным языком», – отмечалось в статуте. Каталонии предоставлялось право иметь собственную судебную систему, органы общественного порядка, центры образования и т.д. (3, с. 164).

Однако из-за острой внутривнутриполитической борьбы и упорного сопротивления правых сил – сторонников «единой и неделимой Испании» регион по-настоящему пользовался плодами автономии всего три года – от прихода к власти в Испании Народного фронта в феврале 1936 г. до захвата Каталонии франкистами в феврале 1939 г.

Франкистская диктатура, взявшая курс на унификацию общественной жизни, упразднила автономию региона. Каталонский язык был запрещен, любые проявления каталонизма преследовались. В 1938–1953 гг. по приговору военных трибуналов были казнены 3800 человек, в том числе председатель последнего Женералитата Л. Компанис. Политика насильственной декаталонизации сопровождалась увольнением 25 тыс. государственных служащих и более чем половины профессоров Барселонского университета. Многие преподаватели, не имевшие политических предпочтений, но считавшиеся каталонскими националистами, были переселены в другие регионы Испании. В то же время 700 учителей из Касти-

лии и Эстремадуры были направлены в Каталонию как своего рода «проводники декаталонизации» (4, с. 181).

После окончания Второй мировой войны франкистский режим, вынужденный приспособливаться к послевоенному демократическому миропорядку, встал на путь ограниченной либерализации, выразившейся, в числе прочего, в уступках каталонским националистам. В регионе в ограниченном количестве стали издаваться книги и журналы, проводиться мероприятия на каталанском языке. В 1960-е – первой половине 1970-х годов самокоррекция франкизма стала особенно очевидной. Послабления в сфере культурно-языковой политики стимулировали формирование в Каталонии структур гражданского общества, противостоявшего официальному курсу на декаталонизацию. Каталонцы проявили высокую степень способности к самоорганизации и сопротивлению. В регионе развернулось рабочее и студенческое движение, распатывавшее авторитарный режим. В протестных выступлениях сочетались требования демократизации политического режима с защитой национальных интересов Каталонии, в частности возрождения ее автономии.

С 1950 по 1975 г. население Каталонии очень заметно выросло – с 3,2 млн до 5,7 млн человек. Во многом этот прирост был связан с миграцией сюда населения из других регионов Испании. По данным на 1970 г., 37,6% населения Каталонии родилось за ее пределами. Франкистские власти поощряли переселение людских масс в регион, полагая, что этот процесс будет способствовать, в числе прочего, «прогрессирующей кастилизации (испанизации. – *Авт.*) снизу». Однако в реальности происходило обратное. В 1970 г. 97% опрошенных жителей Каталонии хотели, чтобы их дети могли говорить по-каталански, при этом только для 56% их этот язык был первым (4, с. 211–212).

В ходе перехода от франкизма к представительной демократии и формирования в Испании Государства автономий – унитарного государства, в котором существуют и развиваются элементы федерализма, – Каталонии был предоставлен значительный объем прав и полномочий. В соответствии с Конституцией 1978 г. и автономным статутом, одобренным в 1979 г., она имеет свой парламент и правительство, полицию, радио, телевидение. Каталанский язык признается официальным наравне с испанским. По сравнению с

автономным статутом 1932 г. Каталония получила больше прав в сфере образования и культуры, но меньше в области функционирования судебной системы и охраны общественного порядка (3, с. 217–218). Если в 1932 г. Каталония именовалась «автономным регионом в составе испанского государства», то в 1979 г. стала определяться как «национальность». Включение в новый статут термина «национальность» и, следовательно, признание многонационального характера испанского государства стало успехом прогрессивных сил, преодолевших сопротивление консерваторов, которые считали этот термин несовместимым с единством государства.

В годы демократии ареал распространения каталанского языка значительно расширился. Если в 1975 г. его понимали, говорили и писали на нем 74,3, 53,1 и 14,5%, то в 1996 г. уже соответственно 95, 75,3 и 45,8% жителей автономии. Отчасти такой прогресс в распространении каталанского объяснялся появлением двух телеканалов и более сотни радиостанций, вещавших на этом языке (4, с. 262, 265). Не менее существенно также то, что с 1980-х годов каталанский язык начал доминировать в государственных школах, вытесняя оттуда испанский.

Националистические настроения, в том числе в их радикальном варианте, получили широкое распространение в каталонском социуме. По данным репрезентативного социологического обследования, проведенного осенью 2005 г., 20,7% опрошенных каталонцев были сторонниками государства, признающего возможность обретения независимости, в то время как 48% выступали за государство, в котором автономии пользовались бы большим самоуправлением, а еще 22,5% – за сохранение статус-кво.

Показательны и цифры, характеризующие различия в самоидентификации жителей региона. 14,3% респондентов считали себя только каталонцами, 23,4 – в большей степени каталонцами, чем испанцами, 44,8 – в такой же степени каталонцами, как и испанцами, 8,2% – в большей мере испанцами, нежели каталонцами (14, с. 125).

Приведенные цифры выявляют высокий процент людей с двойственной самоидентификацией, считающих себя в той или иной степени и каталонцами, и испанцами. Двойственность самоидентификации проявляет себя в феномене так называемого дуалистического голосования – важной характеристике современного

каталонского электората. На автономных выборах большинство избирателей отдадут голоса националистическим партиям, отстаивающим интересы региона, а на общенациональных, напротив, партиям национальным, способным формировать правительство и определять политический курс Испании.

Заметим также, что характерная для последних десятилетий тяга к отделению от Испании проявляется в Каталонии в исключительно мирных формах. В годы франкизма здесь, как и в Стране Басков, действовала террористическая национал-сепаратистская организация – Национальный фронт Каталонии. На этапе демократизации появились еще две подобные структуры – Фронт освобождения Каталонии и «Свободная земля» (Terra Lliure). Однако, в отличие от ЭТА, лишь в октябре 2011 г. окончательно отказавшейся от вооруженной борьбы, каталонские национал-экстремисты столкнулись с нехваткой людских и экономических ресурсов и быстро сошли с политической сцены (6, с. 211–212). Одной из важнейших причин их неудач стала отмеченная выше особенность каталонского менталитета – рассудительность, ориентация на мирное сосуществование даже антагонистичных сил.

Безусловно, важную роль в развитии движения за независимость в Каталонии играет региональная элита, и прежде всего правившая в регионе много лет партийная федерация Конвергенция и Союз (КиС), проделавшая большую работу по внедрению в общественное сознание представлений об «особости» и «неповторимости» этой автономии.

Обратимся к оценкам испанскими экспертами настроений, царящих в каталонских «верхах». «Уже давно считать себя испанцем или высказываться на испанском (кастильском), родном языке 50% каталонцев, считается плохим тоном в любой официальной среде Каталонии и во всех сферах гражданского общества, контролируемых длинной рукой автономного правительства... – пишет профессор К. Поло Андрес. – Если вы будете смотреть по обществу каталонскому телевидению передачу, призванную информировать зрителей о погоде, вы узнаете о завтрашней температуре в Варшаве, но никогда не узнаете о температуре в Мурсии и Сарагосе... Полное отсутствие метеорологических символов или слов в пространстве вне географического треугольника, очерчивающего границы территории, которую националисты считают

своей – автономные сообщества Каталонии, Валенсии и Балеарских Островов, – является великолепной метафорой, показывающей отсутствие интереса и безразличие каталонского общественного телевидения и правительства Каталонии к испанцам, живущим в Каталонии и в остальной части Испании» (1, с. 31). «Пренебрежительное отношение к Испании – часть каталонской традиции», – подчеркивает испанский политолог Антонио Элорса (8, с. 7).

Уместно заметить, что и в испанском общественном мнении весьма заметно предубеждение к Каталонии, сочетающееся с представлением, что «каталонцы – другие». По оценке уже цитированного Х.Х. Лопеса Бурниоля, существовавшие со времен промышленной революции XIX в. «сдержанное восхищение и скрытая зависть» по отношению к ним теперь сменились раздражением, вызванным их постоянными требованиями признать «свою особость» (11, с. 160).

Ресурсы сепаратизма

В 2005–2006 гг. в эпицентре общественно-политической жизни Испании оказалась политико-юридическая борьба вокруг нового автономного статута Каталонии. Некоторые положения проекта нового документа нарушали Конституцию Испании или противоречили конституционным нормам.

Наиболее острую дискуссию вызвало намерение составителей нового статута определить Каталонию как «нацию». Эта позиция, повторявшая в новых исторических условиях точку зрения каталонских националистов конца XIX – начала XX в., была созвучна настроениям большинства населения региона. Между тем подобные умонастроения противоречат Конституции, предусматривающей существование на территории Испании лишь одной нации – испанской. Превращение Испании из «нации национальностей», каковой она является сейчас, в «нацию наций», по мнению многих испанских экспертов, чревато подрывом устоев государства и его распадом. Вместе с тем есть и точка зрения, согласно которой для части каталонцев «способ быть испанцами просто-напросто означает быть стопроцентными каталонцами». Их позиция выражается словами «свободная Каталония в большой Испании» (16, с. 3). Своеобразный «каталонский случай» не укладывается в рамки

общепринятых правовых норм. В проекте нового статута Каталония признавалась нацией, не обладая суверенитетом и оставаясь в составе Испании.

Примечательно также, что в проекте статута само слово «Испания» почти не упоминалось, а если и упоминалось, то только для того, чтобы определить ее как многонациональное государство или сослаться на «народы Испании». В проекте говорилось также, что «политическое и географическое пространство сравнения для Каталонии» – это Европейский союз, без упоминания Испании даже в качестве промежуточной ступени (1, с. 31).

В целом проект нового статута производил двойственное впечатление даже на его сторонников. Одни из них полагали, что речь идет о поисках формулы, позволяющей Каталонии удобнее чувствовать себя в Испании, лучше интегрироваться в ее структуры. Другие, напротив, утверждали, что это лишь первый шаг к обретению Каталонией независимости.

В сентябре 2005 г. проект нового статута был одобрен 89% депутатов каталонского парламента. Затем он прошел долгий путь рассмотрения в конституционной комиссии нижней палаты парламента и самих кортесах. В итоговом документе националистический пафос проекта смягчен. В тексте нового статута, одобренного на референдуме (он состоялся в автономии 18 июня 2006 г.), констатируется, что парламента Каталонии «значительным большинством определил Каталонию как нацию» (14, с. 127). Однако эта констатация присутствует только в преамбуле нового статута, которая не имеет юридической силы. В статьях же, обладающих юридической силой, Каталония именуется «национальностью». Вместе с тем официально признаются знамя, национальный праздник и гимн Каталонии. Во многих других сферах (судебная и правоохранительная система, сбор налогов, языковые права) права автономии расширились по сравнению со статутом 1979 г.

Обсуждение статута вызвало в Испании далеко не однозначную реакцию. По различным опросам, примерно половина населения считала, что следует согласиться со стремлением большинства каталонцев самим определять свое будущее, а другая половина воспринимала статут как подрывающий единство Испании.

С утверждением нового статута на референдуме борьба вокруг него не завершилась. Народная партия (НП) и еще шесть

субъектов права Испании (Народный защитник и автономные сообщества Арагон, Балеарские Острова, Валенсия, Мурсия и Риоха) сочли, что целый ряд его положений противоречит Конституции и оспорили их в Конституционном суде. Главным критиком нового статута была НП, выдвинувшая возражения по 187 статьям.

Конституционный суд в июне 2010 г. вынес вердикт, отвергнув подавляющее большинство требований критиков статута. В то же время 14 его статей были признаны частично или полностью неконституционными. Так, судей не устроила статья, согласно которой жители автономии именуются каталонцами, а не испанцами. Неприятие вызвала и статья, наделявшая каталонский язык более высоким статусом, нежели общегосударственный испанский (кастильский). Принципиальное значение имела констатация, согласно которой не существует юридических оснований считать жителей Каталонии отдельной нацией. «Не имеют интерпретативного юридического значения содержащиеся в преамбуле статута Каталонии ссылки на “Каталонию как нацию” и на “национальную реальность Каталонии”», – говорилось в постановлении Конституционного суда (9).

Многие каталонцы расценили такое решение как оскорбительное, отнимающее у них право на самоопределение и попирающее национальное достоинство. Они еще больше укрепились во мнении, что надеяться на содействие «извне», т.е. на поддержку Мадрида, для удовлетворения своих требований нереально. В июле 2010 г. в Барселоне состоялась массовая демонстрация протеста. Сотни тысяч людей вышли на улицы, протестуя против вердикта Конституционного суда.

Масла в огонь добавил мировой экономической кризис, больно ударивший по Испании. В условиях политики жесткой экономии, проводимой правительством консервативной Народной партии (НП), автономии, на которые приходится основная тяжесть этой политики, испытывают большой недостаток финансовых средств. Один из самых задолжавших Мадриду регионов – Каталония, ее долг составляет 44 млрд евро. Среди каталонцев распространено убеждение, что они отдают в казну больше остальных районов Испании, а обратно получают меньше, т.е. содержат другие, менее зажиточные автономии («Мадрид грабит нас»).

В последние годы националистические настроения все чаще перерастали в откровенно сепаратистские. С 2009 г. в десятках маленьких городков и местечек Каталонии проходили референдумы, участники которых голосовали за отделение от Испании. Эти референдумы не имели юридической силы, но серьезно влияли на общественные настроения. Невиданным прежде проявлением протестной активности стала манифестация 11 сентября 2012 г., в Национальный день Каталонии в Барселоне, в которой участвовали примерно полтора миллиона человек, потребовавших независимости от Испании под лозунгом «Каталония – новое государство в Европе».

Многолетняя пропаганда властей в сочетании с перестройкой ценностных установок в условиях быстро меняющегося мира привели к тому, что немалая часть населения региона, в частности многочисленный слой переселенцев из других автономий Испании, воспринимает разрыв с ней совершенно спокойно, как дело вполне естественное. «Если Испания нас не любит, то почему бы не уйти? В чем проблема?» Не все сторонники независимости являются таковыми по убеждению. Часть этого лагеря составляют прагматики, необязательно националисты, рассматривающие реализацию идеи независимости как «выгодное предприятие».

На состоявшейся в сентябре встрече председателя правительства Испании Мариано Рахоя и председателя автономного правительства Каталонии Артура Маса, лидера правящей партийной федерации «Конвергенция и Союз» (КиС), последний озвучил идею создания в автономии независимого министерства финансов и полного контроля Каталонии над собираемыми налогами.

Для правительства Народной партии идея Маса была неприемлема. Консерваторы непреклонно отстаивают нынешнюю модель Государства автономий, считая Конституцию Испании неприкосновенной. Не менее существенно то, что у правительства просто нет средств, чтобы компенсировать потери от предоставления Каталонии финансовой самостоятельности. Ориентация каталонских националистов на повторение исторически сложившейся и существующей с 1876 г. схемы финансовых отношений с центром баскских провинций (так называемые *conciertos economicos*), согласно которой большая часть собираемых налогов остается в ведении местных властей, в данном случае неуместна. Вклад в нацио-

нальный бюджет налоговых поступлений Каталонии, значительно превосходящей по численности населения Страну Басков, намного больше вклада последней. Изъятие из бюджета каталонской части чревато подрывом экономики Испании. По словам известного испанского эксперта Х.Л. Себриана, распространение модели финансовых отношений, существующей в Стране Басков, на Каталонию «сделает государство нежизнеспособным. Никто во дворце Монклоа (резиденция правительства Испании. – *Авт.*), независимо от идеологических убеждений, не примет подобное предложение, точно так же как никогда его не одобрит и Конгресс депутатов» (5, с. 7).

В ответ на отказ Мадрида удовлетворить предложение автономии ее власти заявили о намерении отделиться от Испании и вступить в ЕС и зону евро. Почти одновременно Мас объявил о проведении 25 ноября досрочных парламентских выборов, рассчитывая получить абсолютное большинство голосов, чтобы иметь свободу рук.

Поворот в политике руководства автономии был не случаен. КиС в унисон с НП проводила политику жесткой экономии государственных средств, сопровождающуюся резким ограничением социальных выплат. Столкнувшись с массовыми протестами разных слоев населения, «команда Маса» решила «выпустить пар», обвинив в бедах Каталонии центральную власть и связав решение проблем автономии с ее отделением от Испании.

Однако результаты выборов обернулись разочарованием для сторонников независимости региона. По их результатам КиС обогнала своих соперников, однако оказалась далека от обретения желанного абсолютного большинства (50 из 135 депутатских мандатов). Партия потеряла 12 мест по сравнению с предыдущими выборами 2010 г. (7). Безусловно, на итоги голосования повлияла непопулярная социально-экономическая политика КиС, а также обвинения Маса и других деятелей партии в коррупции (эта кампания началась за неделю до выборов). Сыграло роль и отношение к Масу как политику, непоследовательному в своих установках. Его обвиняли в карьеризме и популизме, утверждая, что еще недавно умеренный националист вдруг превратился в сепаратиста, стремящегося воспользоваться в своих интересах массовым подъемом движения за отделение региона от Испании. Для Артура Маса итоги выборов стали личным поражением. Ситуация усугублялась

тем, что не все в КиС согласны с радикальным курсом лидера. Некоторые опросы свидетельствуют, что примерно треть электората КиС не поддерживает идею обретения Каталонией независимости.

Несмотря на относительную неудачу КиС, партии, выступающие за отсоединение Каталонии, одержали победу, завоевав абсолютное большинство мест в парламенте. Второй по степени влияния стала партия «Левые республиканцы Каталонии» (ЛРК), давно и последовательно выступающая за независимость региона. Она вдвое увеличила представительство в парламенте (с 10 до 21 депутата) (7).

Партии, противостоящие сепаратизму, представляют себе территориальную целостность Испании по-разному. Главный антагонист КиС – Народная партия – требует сохранения территориального статус-кво и даже укрепления централизации. Она завоевала 19 мест и заняла четвертое место. Социалистическая партия Каталонии (СПК, региональное отделение ведущей оппозиционной Испанской социалистической рабочей партии) противопоставляет противоположным альтернативам – независимости Каталонии, с одной стороны, и укреплению централизации – с другой, третью – федерализацию Государства автономий путем реформирования Конституции и изменения финансовых отношений между центром и регионами. Социалисты, получив 20 мест, заняли третье место. Партии, выступающие за сохранение территориальной целостности Испании, по совокупному потенциалу отстали от победителей – 48 депутатских мест против 87 (7). Выборы выявили, что парламент, как и каталонское общество в целом, глубоко разобщен.

В декабре 2012 г. КиС и ЛРК заключили так называемый «Пакт об управлении» («Pacto de gobernabilidad»), разработав целый комплекс мер по «национальному переходу», т.е. формированию институтов и структур собственной государственности – утверждение собственной модели территориальной организации, создание банка Каталонии и независимого налогового агентства, принятие закона о полиции, реформирующего ее и наделяющего полномочиями, которых раньше не было, разработку плана по управлению транспортом и водоснабжением, распределением энергии и т. д. (10).

Страсти вокруг референдума

Относительная неудача на выборах не заставила руководство Каталонии отказаться от своих планов. 23 января парламент автономии принял декларацию о суверенитете и заявил о намерении провести 9 ноября 2014 г. референдум о создании независимого государства. Между тем, согласно Конституции, автономии не могут проводить референдум без разрешения властей и разрешительного общенационального референдума. К тому же Конституция не предусматривает выхода из состава Испании отдельных автономий. Ситуация в Каталонии принципиально отличается от положения в Шотландии, руководство которой подписало соглашение с правительством Великобритании о проведении референдума по вопросу об отделении.

Требую независимости, ее сторонники принимают во внимание экономический потенциал своего региона. На его долю приходится 19% ВВП Испании, 24 – ее промышленной продукции, 28% – экспорта (13, с. 3). Поборники независимости видят в сецессии путь к решению многочисленных проблем автономии, в частности, вызванных к жизни экономическим кризисом. Вдохновляющими примерами для них служат Косово, Шотландия, Квебек и другие регионы, где развиваются сходные процессы. Что касается референдума в Крыму, то о нем говорится немного. Возможно, эта проблема находится в стадии осмысления.

Возражая сторонникам сецессии, ее противники подчеркивают, что цена «освобождения от Испании» и создания собственного государства может быть значительно больше, чем выгоды, причем во всех отношениях – экономическом, социальном, политическом, психологическом. Советуют они не забывать и о правовых нормах ЕС, не предусматривающих вступления в него отдельных регионов, которые захотят отделиться от стран-членов (в скобках заметим, что нет и запрета на такое вступление: вопрос в правовом отношении не решен). Трудно представить себе, что, если дело дойдет до рассмотрения просьбы Каталонии о приеме в ЕС, его члены проявят требуемое для принятия единодушие. Испания и другие страны ЕС, в которых существует проблема регионального сепаратизма, вряд ли поддержат эту просьбу.

Опросы последних лет выявляют постоянные колебания в соотношении сил между сторонниками и противниками независимости Каталонии. Однако существенного перевеса ни у одной из сторон обычно не наблюдается: силы примерно равны. Примечательно, что значительная часть представителей каталонского бизнеса серьезно обеспокоена потенциальной возможностью отсоединения от остальной Испании, с экономикой которой они связаны тысячами нитей.

Между поборниками и противниками отделения Каталонии от Испании идет нескончаемый спор о легитимности референдума, спор, не отделимый от оценки нынешнего политико-территориального устройства Испании. В ходе этой полемики постоянно звучит мысль, высказываемая и частью сторонников сохранения целостности государства, о необходимости обновления и конкретизации политико-правовых норм современной Испании в части государственно-территориального деления.

Дело в том, что для этих норм характерно сочетание жесткости ряда формулировок с неопределенностью и двусмысленностью некоторых статей. Примерами могут служить не только отказ автономиям в праве проводить референдум без разрешения центра (ст. 2 Органического закона от 18 января 1980 г.), но и то, что Конституция не допускает создания в Испании федерации (ст. 145) (2, с. 79, 100). Некоторые отличающиеся двусмысленностью положения Конституции воспринимаются различными политическими силами по-разному. Для правых программа-максимум – введение самоуправления в автономиях, для наиболее радикальных националистов Конституция – лишь промежуточный этап на пути к последующему обретению независимости.

Неопределенность ряда положений Основного закона вполне объяснима. Конституция была принята в 1978 г., когда переход к демократии еще не был завершен. Законодатели стремились быть осторожными в формулировках статей, не без оснований опасаясь, что возможность распада «единой и неделимой Испании» спровоцирует армию, в которой было много консервативно настроенных офицеров, на переворот.

Следует также иметь в виду, что в официальном политическом дискурсе даже простая постановка вопроса о пересмотре путем голосования, на референдуме, существующего государственно-

территориального устройства, затрагивающего национальное единство, долгое время не подлежала рассмотрению, считалась неприличной и не произносимой вслух. На обсуждение проблем такого рода, способных подорвать «священные» статьи Конституции, было наложено негласное табу (15, с. 7).

С высоты сегодняшнего дня очевидно, что ряд положений Конституции и других законодательных актов, принятых в первые годы демократии и касающихся сферы государственно-территориального устройства, нуждаются в конкретизации и пересмотре. Тот факт, что реформирование Основного закона – дело сложное, требующее широкого общественного и межпартийного согласия, не отменяет необходимости внесения в него корректив.

В числе нововведений может быть отмена запрета на создание федерации. В лагерь сторонников федерации, включающей коалицию «Объединенная левая» (ее ядро составляет компартия Испании) и немало интеллектуалов, входит также, как уже отмечалось, Испанская социалистическая рабочая партия. Ее деятели, и прежде высказывавшиеся за расширение прав автономных сообществ, с 2012 г. открыто заявляют о необходимости реформирования Конституции в духе федерализма. Однако принять концепцию федерального государства миллионам испанцев не просто. В отличие от множества стран, где федерализм служит укреплению государства, в Испании, в силу особенностей исторического развития, значительная часть населения ассоциирует его с сепаратизмом и угрозой распада. По словам испанского политолога Рамона Майса, «Испания, по существу, единственная страна в мире, в которой для значительной части общественного мнения федерация означает не создание союза на федеративных началах, а «балканизацию» и «распад» государства» (12, с. 8). По данным различных опросов, лишь меньшинство каталонцев высказывается за превращение Испании в федерацию. При этом не ясно, какое содержание вкладывают они в понятие «федерация», так как в этом вопросе даже среди ее сторонников существует большая путаница. Принятие концепции федеративного государства требует от ее сторонников упорной пропагандистской работы, разъясняющей, что они понимают под «федерацией», как она функционирует и в чем ее преимущества.

Предлагается предоставить автономиям право на проведение референдума по вопросу об отделении. Существующее ныне во властвующей элите негативное отношение к этой проблеме играет лишь на руку сепаратистам, помогая им шантажировать общественность требованием сецессии. Разрешение же проводить референдум – при четком определении его условий – лишит их важнейшего пропагандистского аргумента – возможности обвинять центр в зажиме демократических свобод и представлять его «тюремщиком народов». Кроме того, существует немалая дистанция между романтическими призывами к сецессии и гораздо менее привлекательной реальностью подсчета голосов на референдуме.

Испанский юрист Х.М. Руис Сороа, отмечая, что правовое государство не может априори исключать законное право народа на самоопределение, подчеркивает: «Если сецессия станет узаконенной возможностью, националисты хорошенько задумаются, прежде чем призывать к ней. Другими словами, законодательное закрепление права на отделение окажет демобилизующее воздействие на их требования, являющиеся в значительной степени риторическими, неискренними и шантажистскими» (16, с. 7). Предоставление автономиям права самостоятельно, без разрешения центра принимать решение о проведении референдума стало бы доказательством силы испанской демократии.

Принимая во внимание неуступчивость правительства НП, А. Мас начал маневрировать. Вместо референдума он предложил проведение альтернативного опроса («процесса гражданского участия»), организуемого по инициативе общественных организаций, ответственность за который возьмет на себя правительство Каталонии. Правительство М. Рахоя, настаивавшее на незаконности опроса, не воспрепятствовало его проведению.

Опрос 9 ноября, официально называвшийся «Актом гражданского участия», проводился без демократических гарантий: не было избиркома, избирательных списков, наблюдателей от разных партий. Подсчет голосов осуществляли волонтеры из различных общественных организаций, выступающих за независимость. Респондентам предлагалось ответить на два вопроса: «Хотите ли Вы, чтобы Каталония стала государством?» и «Если да, то хотите ли Вы, чтобы это государство было независимым?»

В голосовании, по неполным данным, приняли участие 2,3 млн человек (из 5,4 млн избирателей Каталонии). 80,7% (примерно 1,6 млн человек) ответили «да» на оба вопроса, 10,1% – ответили утвердительно на первый вопрос и отрицательно на второй. Еще 4,6% проголосовавших ответили «нет» на оба вопроса.

Безусловно, состоявшийся опрос не выявил подлинную расстановку сил в Каталонии на массовом уровне. Подавляющее большинство сторонников сохранения территориальной целостности Испании не пришли на него, считая незаконным. Вместе с тем результаты голосования свидетельствуют о том, что у сторонников независимости есть значительный потенциал.

Испанское правительство получило недвусмысленный сигнал о том, что нужно возобновить прерванный в июле диалог с правительством автономии (тогда А. Мас передал М. Рахою список, включавший 23 предложения по улучшению ситуации в различных областях жизни региона) и поиски конструктивного решения «каталонской проблемы». По мнению испанских экспертов, в нынешней ситуации необходима серия встреч и консультаций главы правительства и его заместителей со многими политическими лидерами высокого уровня для разработки приемлемого для всех плана действий по разрешению кризиса. Дальнейшее игнорирование мнения немалой части населения Каталонии лишь дестабилизирует общественную ситуацию и создает в стране потенциально взрывоопасную обстановку.

Список литературы

1. Испания – Каталония: Империя и реальность / Пер., состав. и предисл. Е. Висенс. – М.: REGNUM, 2007. – 96 с.
2. Испания. Конституция и законодательные акты / Под ред. и со вступ. ст. Разумович Н.Н.; Пер. Борисов Э.М., Ильинская Т.И. – М.: Прогресс, 1982. – 352 с.
3. Alcalá C. Claves históricas del independentismo catalán. – Madrid: Grafite Ediciones, 2006. – 246 p.
4. Balcells A. Breve historia del nacionalismo catalán. – Madrid: Alianza Editorial, 2004. – 304 p.
5. Cebrian J.L. Escolta, Catalunya // El País. – Madrid, 2012. – 23.09. – P. 7.

6. Diez Medrano J. Naciones divididas: Clase, política y nacionalismo en el País Vasco y Cataluña. – Madrid: Centro de investigaciones sociológicas, 1999. – 266 p.
7. Elecciones al Parlamento de Cataluña de 2012. – Mode of access: http://es.wikipedia.org/wiki/Elecciones_al_Parlamento_de_Cataluña_de_2012
8. Elorza A. Las vías de la autodeterminación // El País. – Madrid, 2012. – 29.09. – P. 7.
9. Estatuto de autonomía de Cataluña de 2006. – Mode of access: http://es.wikipedia.org/wiki/Estatuto_de_autonomia_de_Cataluna_de_2006
10. Las condiciones del acuerdo CiU-ERC: Secesión y avalancha de impuestos // Lavozlibre. – 19.12.2012. – Mode of access: <http://www.lavozlibre.com/noticias/ampliar/686438/las-condiciones-del-acuerdo-ciu-erc-secesion-y-avalancha-de-impuestos>
11. López Burniol J.J. España desde una esquina: Notas para españoles. – Madrid: La Esfera de los libros, 2008. – 307 p.
12. Muiz R. Las razones del federalismo // El País. – Madrid, 2012. – 17.10. – P. 8.
13. Política, diálogo y audacia // La Vanguardia. – Barcelona, 2012. – 28.10. – P. 3.
14. Requejo F. Federalismo plurinacional y pluralismo de valores: El caso español. – Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. – 203 p.
15. Ruiz Soroa J.M. Romper el tabú // El País. – Madrid, 2012. – 05.06. – P. 7.
16. Seco Serrano C. España y Cataluña // ABC. – Madrid, 2006. – 25.03. – P. 3.
17. Solé-Tura J. Catalanismo y revolución burguesa. – Madrid: Editorial cuadernos para el diálogo, 1970. – 296 p.